

Некипелова Ирина Михайловна

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья посвящена представлению языка как объекта исследования постнеклассической науки. В рамках исследования выявляется роль проблемно-ориентированного поиска и междисциплинарных исследований в изучении механизмов деятельности языка. Идеи нелинейного развития и неустойчивости системы позволяют по-новому взглянуть на язык как феномен человеческой деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 116-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Аврорин В. А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.
2. **Мистюк Т. Л.** Вопрос о причинах эволюции языка в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. С. 120-124.
3. **Мистюк Т. Л.** К вопросу о сущности неологизма и окказионализма // Молодая филология: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. С. 142-145.
4. **Мистюк Т. Л.** О роли стихии и управления в процессе эволюции языка // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка: сб. науч. статей. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. С. 40-47.
5. **Пауль Г.** Принципы истории языка. М.: Иностранная литература, 1960. 500 с.
6. **Рождественский Ю. В.** Лекции по общему языкознанию. М.: Добросвет, 2000. 344 с.
7. **Соссюр Ф.** Курс общей лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1960. Ч. 1. С. 323-342.
8. **Фоменко Ю. В.** Мифы современной лингвистики. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 176 с.
9. **Фоменко Ю. В.** Язык и речь. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1990. 77 с.

**ON SPECIFICITY OF SPONTANEOUS AND CONSCIOUS FACTORS INFLUENCE
ON EVOLUTIONARY PROCESSES IN LANGUAGE**

Tat'yana Leonidovna Mistyuk, Ph. D. in Philology
Department of Russian Language
Novosibirsk State Technical University
bakatuha@mail.ru

The author presents the brief analysis of the role of element and people's conscious influence on natural language development, particularly, its lexical-semantic system evolution; also characterizes elemental and conscious factors interaction, promoting either appeared innovation consolidation in national language or its preservation in the status of occasionalism or neologism.

Key words and phrases: spontaneous factors of language development; conscious factors of language development; interaction of objective and subjective factors; language novelty; language innovation.

УДК 811.1/8

Филологические науки

Статья посвящена представлению языка как объекта исследования постнеклассической науки. В рамках исследования выявляется роль проблемно-ориентированного поиска и междисциплинарных исследований в изучении механизмов деятельности языка. Идеи нелинейного развития и неустойчивости системы позволяют по-новому взглянуть на язык как феномен человеческой деятельности.

Ключевые слова и фразы: философия языка; теория языка; нелинейность развития; неустойчивость системы; лингвогенез.

Ирина Михайловна Некипелова, к. филол. н., доцент

Кафедра философии

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова

irina.m.nekipelova@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ[©]**

Введение. Вопросы о происхождении мира, его смерти, соотношении случайного и закономерного в мире, хаоса и космоса волновали многих учёных, начиная со времён, когда философское мировоззрение и философская картина мира, а затем и научное мировоззрение и научная картина мира ещё только начинали складываться. Лучшие умы древнего мира были озабочены поиском первопричин и первооснов мира, процессов упорядочения хаоса и рождения космоса. И до настоящего времени актуальность этих вопросов не угасла, напротив, с расщеплением общенаучной картины мира на множество, несмотря ни на что, связанных между собой узконаучных картин мира, понимание первопричин и первооснов становится тем фундаментом, который не позволяет науке распасться на осколки очень узких, специализированных представлений о мире, не только описывающих мир по-разному, но и представляющих этот мир в рамках концепций, не стыкующихся между собой и зачастую противоречащих друг другу. Именно поэтому «проблемы соотношения порядка и хаоса в процессах эволюции природы и общества вот уже два десятилетия находятся в центре

внимания ученых, работающих в различных областях естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Эти проблемы оказались тесно связанными с изучением неустойчивых процессов, роли случайности и необходимости в их развитии» [4, с. 143]. И такой подход вполне оправдан. Фрагментарность исследований языковой системы в рамках современной науки оказывается неприемлемой. А меж тем лингвистика до сих пор пытается выявить сугубо лингвистические законы языка. Однако лингвистика является частью обширного научного знания, поэтому её проблемы во многом необходимо рассматривать в рамках общенаучных проблем и общей научной картины мира.

Материалы и методы. Научное знание как системное представление о мире постоянно корректируется, дополняется и развивается, что определено спецификой прогресса научного знания и обусловлено самой природой человеческого мышления. Одно представление сменяется другим, на смену одной научной картины мира приходит другая: «В системе научного знания нового времени наибольшее влияние и признание имели, по крайней мере, пять доминирующих научных картин мира и способов его познания: *схоластическая* (можно говорить и о мифологической картине мира как исторически первой), в рамках которой природа и общество трактуются как некий шифр, текст, поддающийся (или нет) прочтению, расшифровке, пониманию; *механистическая*, в пределах которой природа и общество характеризуются как механизм, машина, все детали которой выполняют строго предназначенные для них, характерные функции; *статистическая*, в соответствии с которой общество и природа мыслятся как баланс, равнодействующая различных сил (природных, культурных, экономических, политических, социально-бытовых, общественных и личностно-индивидуальных, групповых); *системная*, где природа и общество характеризуются главным образом как организованные системы, подсистемы, состоящие из элементов, способных к изменению, но обеспечивающих целостность и жизнестойкость как подсистем, так и больших систем; *диатропическая* картина мира и способ познания, в рамках которых реальность трактуется как ярмарка, сад, где возникающие флуктуации, объединения сил, образующие ряды тропов, признаков сущего, позволяют видеть мир многомерно, полицентрично, изменчиво» [6, с. 13-14]. Таким образом, современное объединение знаний и представлений картин мира разных наук неизбежно выводит конкретную науку из узких рамок, даёт новое видение и понимание уже известных процессов и явлений.

Смена картин мира была обусловлена развитием научного знания, которое также имело эпохальное развитие. В результате классическое научное видение мира сменилось сначала неклассическим, а затем и постнеклассическим. С развитием научного знания объекты исследования оставались всё те же, но менялись подходы и методы, открывались новые процессы и явления объектов исследования.

Итак, классическая научная картина мира была основана на достижениях Г. Галилея и И. Ньютона и господствовала до конца XIX века. Она претендовала на обладание абсолютным, истинным знанием. Развитие науки в рамках этой картины мира представлялось в виде прогрессивно направленного линейного движения с жестко однозначной детерминацией: прошлое определяет настоящее, настоящее определяет будущее. Все процессы, происходившие в мире, исследовались с этой позиции, в результате чего в науке сложилось четкое понимание того, что все процессы и состояния могут быть спрогнозированы с абсолютной точностью и конкретно определены, поскольку они предопределены самой природой научного знания и схемой развития мира. Классическая картина мира осуществляла исследование и описание объектов с учётом уже известных факторов, детерминирующих изменения этих объектов, отказывая неизвестным для учёных факторам влиять на ход изменений. В рамках классической науки развитие языка представлялось линейным, детерминированным прошлыми его состояниями, а само знание о языке претендовало на истинность. В основе гипотез лежат языковые факты и их интерпретация. Смена классической научной картины мира была осуществлена на рубеже XIX-XX вв.

Неклассическая картина мира открыла XX век. Она родилась под влиянием первых теорий термодинамики, оспаривающих универсальность законов классической механики, а также под влиянием теории относительности А. Эйнштейна и принципа неопределённости В. Гейзенберга. В неклассической картине мира развитие системы представлялось направленно, оно имеет вектор движения, но не точно заданный, а лишь предполагаемый, или не предполагаемый вовсе. Всё большую роль начинает играть не детерминация, а случайность, окказиональность. Развитие имеет цель, но эта цель является естественно формирующейся в ходе развития, а не детерминированной мыслью учёного. Предположительно изменения осуществляются, подчиняясь закону вероятности. Однако понятие детерминированности не исчезает, оно приобретает новое значение в развитии заданных, детерминированных систем, состоящих из незаданных, недетерминированных единиц. В это время появляются идеи эволюционизма языка, его функциональности и системности. В основе языковых гипотез лежат модели взаимодействия единиц системы друг с другом.

Постнеклассическая картина мира формируется в конце XX века с учетом достижений И. Пригожина. В постнеклассическом видении с самого начала и к любому данному моменту времени будущее остается неопределённым. Развитие может пойти в одном из нескольких направлений, что может быть определено действием и соотношением разных факторов. Анализ изучаемых структур предполагает исследование открытых нелинейных систем, развитие которых определяется ролью исходных структур, составляющих их элементов, действием случайных факторов. Для исследования и описания развития таких сложных структур и систем используются понятия бифуркации, флуктуация, хаосомность, диссипация, странные аттракторы, нелинейность. Они наделяются категориальным статусом и используются для объяснения поведения всех типов систем. В основе лингвистических гипотез лежат прогнозы, направленные в будущее и в прошлое,

осуществляется реконструкция прошлых состояний языка, выявляются механизмы деятельности языка в современности и его открытость в будущее.

Таким образом, «имеются веские аргументы, обстоятельные теоретические доказательства того, например, что конец XX в. характеризуется новой сменой научной картины мира, формированием адекватного ей доминирующего способа познания» [Там же, с. 14]. Важным является то, что происходит не отказ от предыдущего видения мира, а его переосмысление, дополнение, корректировка: «При этом ни диатропика, ни синергетика не отрицают собой предшествующие картины мира и способы познания, но скорее выступают их продолжением, дополнением, объединением» [Там же]. Исследованиями таких процессов занимались во второй половине XX в. физики, биологи, математики, экономисты, философы, политологи, историки, социологи. В результате «наука обогатилась новыми междисциплинарными подходами, концепциями, категориями, теориями и алгоритмами. Можно говорить о том, что сформировалась общенаучная парадигма («new science»), тесно связанная с концепциями синергетики, нелинейной динамики, теории хаоса» [4, с. 144]. Проникают эти идеи и в современную лингвистику.

Обсуждение. Смена научной картины мира определяет и специфику познания. Современное научное знание представляет собой комплекс знаний отдельных наук, но знания эти составляют не перечень, номенклатуру фактов и явлений, исследуемых разными науками, а трансляцию идей одной науки в другую, расширение «кругозора» науки за счёт включения в её знание открытия других наук. Так, «наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося, изолированного фрагмента действительности, выступавшего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику современной науки конца XX века определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания» [14]. Следовательно, в изучение функционирования языка включаются знания о человеке и обществе, формируются такие направления лингвистики, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, и уже это само по себе является огромным достижением науки в исследовании языка как феномена человеческой деятельности.

Многие современные лингвистические исследования посвящены описанию тех явлений и процессов, которые происходят в современных языках. Исследования эти узконаправленны и глубоки, раскрывают суть исследуемых явлений. Однако лингвистическая научная картина мира представляет собой сейчас огромную мозаику, в которой каждая часть соответствует отдельному исследованию: без какого-то из этих исследований мозаика будет неполной, но, чтобы увидеть картину в полном объёме, надо объединить в восприятии все части этой сложной мозаики. За последнее десятилетие было выпущено немало фундаментальных трудов, посвященных исследованию глубинных процессов, происходящих в языках [10], не только наблюдению за современными процессами и их описанию, но и реставрации прошлых состояний [5], выявлению скрытых механизмов функционирования той или иной языковой системы [11]. И выявление таких сложных параметров и аспектов существования языковых систем оказывается возможным лишь при комплексном подходе к исследованию. Комплексное изучение предполагает привлечение данных других наук, сопоставление прикладных и фундаментальных теорий. В результате «усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках. Все чаще изменения этих картин протекают не столько под влиянием внутридисциплинарных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между картинами реальности, определяющими видение предмета той или иной науки. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира» [14]. Таким образом, лингвистика является частью огромной научной картины мира, и, следовательно, на эту область науки распространяется действие общенаучных тенденций и законов.

Язык – ежедневная реальность человеческого общества, поскольку каждый человек живёт в определённом языковом пространстве. Язык во многом определяет личность человека, взаимоотношения в обществе, а сам человек является значимой деятельной частью мира. Именно поэтому при изучении деятельности языка необходимо учитывать данные всех наук о языке, а следовательно, и мире. Только междисциплинарные исследования помогут учёным не топтаться на месте, а постепенно познавать скрытые механизмы действия языка как феномена человеческой деятельности в целом и отдельных языков в частности: «В междисциплинарных исследованиях наука, как правило, сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах зачастую изучаются лишь фрагментарно, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узкодисциплинарном подходе, а выявляются только при синтезе фундаментальных и прикладных задач в проблемно-ориентированном поиске» [Там же].

Проблемно-ориентированный поиск затрагивает методологию всех наук. В. Аршинов, Ю. Климонтович и Ю. Сачков считают, что, раскрывая темы диалога, коммуникации, средств и методов познания процессов самоорганизации различных систем, И. Пригожин и И. Стенгерс затрагивают фундаментальную философскую проблему познания общих законов *развития как диалектического процесса*, присущего не только человеческому обществу, но и всему материальному миру [2]. И. Пригожин и И. Стенгерс описывают процесс обретения современной наукой «своего нового, подлинно исторического, а тем самым и человеческого измерения» [Там же], они дают характеристику принципиальных изменений в современной научной картине мира, связанных со значимостью в исследовании явлений множественности, темпоральности и сложности.

Обсуждая вопрос о степени общности предложенной ими эволюционной парадигмы, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что, применяя естественнонаучные понятия к общественным наукам, необходимо соблюдать осторожность [13, с. 369]. В то же время в заключении к своей книге они пишут, что их идеи начинают проникать в социальные науки: «Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации могут усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность во все не обречена на бессмысленность); тревогу – потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов. Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь... чувство умеренной надежды» [Там же, с. 386]. Если рассматривать язык в контексте культур, сложившихся в истории человечества, то возникает необходимость переносить идеи, характеризующие существование общностей, культур и человека, на идеи функционирования языка, поскольку развитие языка носит антропоцентрический характер. Системность же научной картины мира связана с тем, что научное знание представляет собой не набор знаний отдельных наук, а организацию их в общее знание о человеке, о мире и человеке в мире.

В рамках постнеклассической науки следует говорить о том, что «язык – такая открытая система, которая имеет вероятностный фактор развития, она отражает всю сложность реального мира» [12]. Сложность формирования общего (универсального) знания в целом о языке как феномене человеческой деятельности и, в частности, о каждом отдельном языке связана с тем, что язык является такой системой, которая удовлетворяет потребности как человечества, так и национальных сообществ и отдельных людей. Следовательно, язык как система, порождающая общество и человека и одновременно порождаемая обществом и человеком, является настолько сложной, что отделить её исследование от исследования человека в широком понимании оказывается невозможным. Чем больше мы узнаём о языке, тем больше понимаем, сколько всего, ещё неизученного, таит в себе язык. Именно такие сложные системы и оказываются в центре исследования современной науки: «Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной, постнеклассической науки» [14].

Под вопросом оказываются ориентированность на некую законченность представлений о системах языков, универсальность представлений об их устройстве и функционировании. На смену этому приходят разносторонние исследования, не претендующие на абсолютную истину, а лишь предлагающие новое видение ситуации. Идеи эволюционализма, функционализма, структурализма, взаимодействующие между собой, трансформируются в идеи формирования неоднозначных и разноплановых отношений внутри самой языковой системы и внешнего воздействия на неё, взаимосвязи существования языка с существованием общества, в идеи поиска смысла языка: как социогенез «позволяет понять единство организации и развития социума, роль в этом развитии человека, взаимозависимость его жизненных сил и жизненного пространства» [6, с. 21], так и лингвогенез должен позволить понять единство организации и развития языка, роль в этом развитии самого языка, человека и общества, взаимозависимость его жизнеспособности и распространения. Эти идеи неклассической лингвистики должны дополняться постнеклассическими идеями саморазвития и самоорганизации языка: «На основании сопоставления рядов можно выделить архетип – обобщенный образ изучаемого объекта, сочетающий характеристики внутренней логики, генезиса и развития, и показатели, характеризующие специфику функционирования и развития во взаимодействии со средой существования, внешним миром» [Там же, с. 14].

Наряду с понятием *антропогенез*, означающим происхождение человека и процесс его эволюционного развития, учёными, занимающимися общественными науками, введены в рамках новой научной картины мира такие понятия, как *политогенез* (генезис и развитие политической подсистемы общества) [9], *психогенез* (возникновение и развитие психической жизни у человека) [3], *этногенез* (продолжительность этнической истории) [7], *социогенез* и *социогенетика* [6, с. 21] и пр. По всей видимости, пришло время вводить в широкий научный оборот понятие *лингвогенетика* и понятие *лингвогенез*, означающее происхождение языка и его эволюционное развитие, а также исследовать принципы социальной динамики лингвогенеза.

В целом «зависимость познания языка от научной парадигмы и научной картины мира и моделей его познания выявляется при постановке общих проблем исследования сложных систем. Так, развитие языка определено (но не предопределено) действием условий и факторов, определяющих развитие и других сложных систем: а) объективные потребности социальной жизни, проблемы социального развития общества; б) саморазвитие системы; в) субъективные творческие результаты деятельности человека (в данном случае носителя языка). Однако, безусловно, есть и иные факторы: национальное самоопределение и языковая самоидентификация, потребность вербального самовыражения и пр. В современном обществе человек понимается как часть общностей, обусловленных культурной традицией (субкультурой, массовой культурой, нацкультурой и др.). Индивидуальное (личное, субъективное) в человеке проявляется прежде всего в понимании и проявлении человека как биопсихосоциального существа, одновременно действующего в определенном языковом пространстве и формирующего его» [12]. При этом важно учитывать, что даже родным языком люди владеют

в разной степени, и в этом случае «мы говорим о достаточности, а не о перфекционизме, которого достигают не все в силу различных причин» [15, с. 194]. Следует согласиться в этом отношении с В. Г. Костомаровым, утверждающим, что «...с языком ничего не делается: ни хорошего, ни плохого. Происходят просто изменения – ни прогресс, ни регресс. Язык меняется по своим внутренним законам, от нас не зависящим... О деградации языка говорить нельзя. Можно говорить о состоянии общества, которое пользуется данным языком, когда что-то хорошее убирают на периферию языка, а что-то скверное из периферии достают; мы это и наблюдаем. Спасать нужно нас, а не язык» [8].

Таким образом, язык в рамках новой постнеклассической научной парадигмы следует рассматривать как открытую, сложную, нелинейно развивающуюся систему человеческого мышления и общения, познания мира и конструирования его модели. Язык – постоянно развивающаяся система, формирование которой обусловлено действием механизмов 1) центризма, направленного на универсализацию системы и 2) полицентризма, направленного на индивидуализацию вербального представления о мире. Действие разнонаправленных процессов вызывает неустойчивость языковой системы, и именно это является системообразующим фактором, определяющим развитие и функционирование языка, поскольку «удаленность от равновесия, нелинейность может служить причиной возникновения упорядоченности в системе» [1]. Появление диссипативных структур, точек фуркации, бифуркации и полифуркации свидетельствует о нелинейности развития языковой системы и её самоорганизации.

Если позволить себе применить метафору, то множество то появляющихся, то исчезающих языков можно представить как Вселенную, наполненную множеством галактик – отдельных языков, каждая из этих галактик переживает свою историю, иногда они взаимодействуют, иногда сталкиваются, и тогда одна галактика может поглотить другую, но чаще галактики никак не влияют друг на друга, поскольку находятся на существенном пространственном или временном расстоянии друг от друга. Каждый отдельный язык – галактика, которая переживает свою жизнь, существование которой в какой-то момент началось и в какой-то момент, из-за нехватки энергии или разрушающего внешнего воздействия, закончится. На руинах умершего языка может возникнуть новый язык, но это будет совершенно новая система, её развитие будет подчиняться общим законам развития сверхсложных систем, и всё же её история будет совершенно уникальной. При этом абсолютно все галактики, так же, как и все языки, отличаются не только размером и возрастом, но и структурой и количеством наполняющих их элементов. Общее одно – действие системообразующих факторов.

Однако когда-то никакого языка не было, так же, как не было никакой Вселенной. Самый лёгкий вопрос и одновременно сложный: что было *до* того, как появилось *всё*? Ответ: ничего не было. Но вот именно это представить оказывается сложнее всего. Сложно аргументировать и оправдывать появление всего: Вселенной, галактик, языков... В целом мы можем реконструировать исходное состояние систем и смоделировать процессы и механизмы зарождения как Вселенной, так и языка как феномена человеческой деятельности, однако провести независимый эксперимент мы не сможем – это нам не под силу. Уловить исходную точку отсчёта человечество никогда не сможет, поскольку оно начало себя осознавать уже в процессе развития эволюционных систем, и это осознание является определённым периодом в развитии космоса, испытывающего постоянное влияние хаоса. Подобная метафора помогает нам лучше понять, насколько законы физики и законы лингвистики близки.

Хотелось бы отметить и то, что люди замахнулись на познание космоса, не познав полностью себя: они пытаются понять, почему возникло всё, но при этом до сих пор не могут дать ответ, почему они начали говорить. Возможно, это явление будет носить судьбоносный для лингвистики характер, и познание законов космоса будет способствовать познанию законов языка.

Заключение. Безусловно, можно принимать синергетику как представление неустойчивых состояний в природе и обществе или не принимать возможности переноса естественнонаучных концепций в сферу наук об обществе и человеке, отрицая её идеи, – дискуссии о степени универсальности синергетики продолжаются до сих пор. Современные исследования могут, как и исследования предыдущих эпох, содержать ошибочные утверждения и представлять отчасти недостоверные концепции, однако всё это не заблуждения научного мира, а попытки найти ответы на те вопросы, на которые так и не получены достоверные и удовлетворительные ответы. И это значимо: важно не только пытаться доказывать теории и концепции, важно и выявлять ошибки прошлого, поскольку без открытий современности невозможными окажутся открытия будущего.

Список литературы

1. Аруцев А. А., Ермолаев Б. В., Кутателадзе И. О., Слущкий М. С. Концепции современного естествознания [Электронный ресурс]: учеб. пособие. URL: <http://nrc.edu.ru/est/pos/51.html> (дата обращения: 16.10.2012).
2. Аршинов В. И., Климонтович Ю. Л., Сачков Ю. В. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим [Электронный ресурс]. URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_169.htm (дата обращения: 19.10.2012).
3. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/51264/психогенез (дата обращения: 19.10.2012).
4. Бородкин Л. И. Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 29. С. 143–157.
5. Бурлак С. А. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 445 с.

6. Григорьев С. И. Смена научных картин мира и социология // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 13–22.
7. Гумилёв Л. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 496 с.
8. Костомаров В. Г. Спасать нужно нас, а не язык [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/lenta/news/8_2430 (дата обращения: 19.10.2012).
9. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 171 с.
10. Матевосян Л. Б. Стереотипный пласт языкового сознания: от стандартного к оригинальному. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 с.
11. Некипелова И. М. Деривация и словообразование в семантической системе русского языка (на материале памятников деловой письменности XI-XVII вв.). Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 432 с.
12. Некипелова И. М. Язык как уникальная открытая и саморазвивающаяся система [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 8 (16). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/nekipelova.pdf> (дата обращения: 16.10.2012).
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
14. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов А. Научные революции и смена типов научной рациональности [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Step/11.php (дата обращения: 19.10.2012).
15. Халуно О. И. Межкультурная компетенция в ситуации глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 192-195.

LANGUAGE SYSTEM AS RESEARCH OBJECT OF POSTNONCLASSICAL SCIENCE

Irina Mikhailovna Nekipelova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov
irina.m.nekipelova@mail.ru

The author presents language as the research object of postnonclassical science, within the framework of the research reveals the role of problem-oriented search and multi-disciplinary researches in the study of language action mechanisms, and tells that the ideas of nonlinear development and system instability allow seeing language in a new light as a phenomenon of human activity.

Key words and phrases: philosophy of language; theory of language; nonlinearity of development; system instability; linguogenesis.

УДК 81'373/81'374

Филологические науки

В статье рассматривается проблема представления в толковом словаре псевдозаимствований. Центральное место в работе отводится псевдоанглицизмам и псевдогаллицизмам, которые представляют собой наиболее многочисленные группы псевдозаимствований в современном немецком языке.

Ключевые слова и фразы: псевдозаимствования; псевдоанглицизм; псевдогаллицизм; толковый словарь; немецкая лексикография.

Любовь Аркадьевна Нефедова, д. филол. н., профессор
Кафедра лексики и фонетики немецкого языка
Московский педагогический государственный университет
nefedoval@yahoo.com

ПСЕВДОЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ПРЕЗЕНТАЦИИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ[©]

В лексическом составе современного немецкого языка можно выявить корпус таких единиц, которые отвечают критериям иноязычного/заимствованного слова, но на самом деле заимствованиями не являются. Как правило, это слова, образованные из иноязычных элементов и являющиеся, таким образом, продуктами словообразования немецкого языка. Такие слова принято в германистике называть псевдозаимствованиями, или ложными заимствованиями.

Большая часть интернациональных слов языков для специальных целей представляет собой псевдозаимствования. Например, следующие слова немецкого языка *Telegramm*, *Mikrofon*, *Neologie* не заимствованы из греческого и латинского языков, а образованы из словообразовательных элементов этих языков. Многие такие слова были затем заимствованы новогреческим языком, став, таким образом, «подлинными» заимствованиями.

Немецкие лингвисты Вернер и Бетц одними из первых приводят развернутую классификацию заимствований, внутри которой выделяются и псевдозаимствования [6]. В настоящее время для описания данного